

После окончания семилетки я уехала в Апочку учица на медицинскую сястру, а патом сафсем скоро началась вайна. Фскоре в нашэй деревне паявились немецкие салдаты. Двое зашли в наш дом. Увидя на стене партрет Сталина, адин из фашыстаф хател растрелять атца, но другой астановил ево. Ани разарвали партрет и ушли. Так началась акупацыя.

В наябре сорок первава года в радную деревню вернулась сестра Антанина с мужэм Адамам Якавлевым, рассказала а том, што мол в Беларусии очень апасна аставацца.

Ну што... Бальшыństwo савецких граждан ненавидели акупантаф, но были такие, каторые перехадили на сторону фашыстаф.

Вот, значит, из числа этих, вот как сказать, тех, каторые ненавидели, вот, наших, ну типа нашу власть савецкую, были сфармированы карательные атрады. Адин из таких карательных атрадаф астановился в деревне Дербышы́ (это быфшы́й Идрицкий раён). Вот с тех пор жытелям деревни Асташо́ва была очень трудна жыть, патаму што, как бы, ани переадевались в партизан, и ани, вот, и ночью могли притти, прецтавицца, што эта партизаны, начинали абирать... там, ну, а нарот-га какой был ешшэ. Мы верили ва фсэ, што партизан так партизан, ему фсэ аддавали. А патом, после этих карателей, прихадили настоящие партизаны. Так люди и не понимали, как и фсяка было.

А вот в адин прекрасный мамент адин из карателей, вот из этава атрада решыл уйти к партизанам. Ну, а так как он в этом, у нево, у этава карателя, как ево был, ево Василием звали Меньшыкаф, был таваришшь, я не помню, как ево звали, ну, кароче этот таваришшь решыл ево здать и привёл карательную... карательный аತ್ರят в деревню. А вот записку, ту, каторую этот Меньшыкаф написал для партизан, ани аставили в нашим доме. А ужэ у нашэй Антанины был... была дочь маленькая, её звали Нина. И ф кровати у этой Нины, ну,

спрятали эту записку. Ну, куда была большэ спрятать. Естественна, фсё перевернули вверх дном, эту записку нашли и вот, забрали меня в эта, карательный... каратели забрали. Сестру забрали Антанину вместе с рябёнком, забрали Адама и увезли вот в эти Дербышы. Там нас держали, избивали, мучали, ни пить, канешна, ни есть не давали, естественна. Спасиба, вот там трое сутак мы прасидели. Адин раз нам толька в акошечка часавой дал кусочек хлеба. Вот, на четвёртые сутки решыли казнить.

Мы знали, што нас вязут на растрел. Вот патом по дароге там нас сапроваждали пятнаццать этих, карателей. Па дароге мы узнали, што нас везут в нашу деревню, вот.

Привезли нас в эту деревню, значит, вот. Там был бальшой дуп, он долга стаял и после вайны, долга стаял патом этот дуп. Ани, значит, атабрали ат маей сестры эту дочку, кинули, практически как сабачонку, мне в руки и сказали: «Неси, аддай старухе ребёнка и сама сюда возвращайся». Типа таво, вот где казнить далжны нас, эта где-та недалеко, так, дома через два.

Ну, я пришла, сваей матери эту девачку аддала, пра Тоню ничево ей не гаварю, прихажу, а ей ужэ на груть адета даска: «За свясь с партизанами», што ана предатель. Вот, и её, вот значит, вот так вот. Её павесили, ну, думаю, теперь, навернае, и мая очередь. Меня атправили дамой и сказали: «Старухе ничево не гавари». И три дня, штоп мы вот не снимали, тела маей сестры. Ну, вот, патом, значит, патом каратели, значит, ушли из деревни и па дароге... А Адам-та бежал, из этава так сказать лагеря, где ани были. Ну, а па дароге папался он им и, в принципе, палучилась так, што и Адама ани растреляли.

И асталась у меня эта девачка круглай сиратой. Вот так вот. Я её вырастила. Сичас ана ужэ сама бабушка, взрослая. Ну,

естественна, даждали мы День Пабеды. Ну, горя у фсех хватала: и нашэй семье, и другой семье.

А, я забыла сказать, што в нашэй деревне патом стаял ужэ партизанский атрт был. Недалеко франты шли, и фся деревня у нас, ва фсех дамах были раненые, мы за ними ухажывали.

Теперь у нас там в деревне брацкая магила бальшая. За ней ухажывает сельсавет, школа ухажывает. Вот. Пака мы с мужэм жыли в деревне, и мы ухажывали за этой магилай.

Ну, теперь ужэ, как бы, деревни не сушществует, паэтому там ужэ эта, ухажывает толька сельский савет, каторый перенесли тожэ даляко. Ну, школа ешшэ ухажывала, теперь школу перевели. Адним словам, кто так вот добрые люди придут, приборут. На магилах теперь у нас вот такая там чистота.

Ну, этих карателей в шысят седьмом, семьдесят фтаром году их ф Пустошке судили. Дали им различные сроки. Самаму главному – Кареву дали растрел. А этим по двенацать-пятнацать лет. Естественна, ани раскаивались, но была ужэ позна. Там вот я слушала, канешна, слушать была очень тяжыло, и пасему я фсево и не помню. Ну вот, гаварили, как они издевались там. Ани штабелями складывали людей, вот так вот лажыли, как мост, и пытались на лашыдях праехать па этим людям. Так насколько животнае была, вот, благаразумней этих людей, ано на дыбы становилась, збрасывала этих седакоф, но не шло па людям. Лошась не шла. Вот такие были дела. Уш не дай Бог, штоп эта пафтарилась.